

Е Цзычэ наблюдал за его реакцией и усмехнулся:

— Луи, мы все здесь люди подневольные. В этом мире не так уж много счастливых случайностей. Особенно у таких, как мы: всё, что нас окружает, кем-то отслеживается, просчитывается и сравнивается. Ты думаешь, что всё ещё волен следовать своим желаниям, но на самом деле уже давно заперт в этой ловушке. Чжан Ханьчжу сейчас ещё может тебя защитить, но что будет потом? Ты хоть представляешь, сколько людей вокруг тебя точат зубы? И тебе не стоит видеть во мне врага — я лишь хочу защитить себя и своего брата.

Он постучал по экрану телефона Чжан Цзианя, который всё это время лежал на столе экраном вниз, и поднялся:

— Если хочешь, чтобы вы с Е Ичэнем остались целы, лучше удали эту запись.

Юноша, сбросивший маску мягкости и доброты, смотрел на него глубоким, холодным взглядом. Не взглянув больше ни на кого, он в одиночестве растворился в наступивших сумерках.

Е Цзычэ вернулся в свою комнату, словно в забыты. Он понимал, что сегодня перед Чжан Цзианем выступил неудачно. Изначально он планировал притвориться Е Ичэнем, чтобы втереться в доверие, но не ожидал, что тот уже знает, кто он такой. А еще меньше ожидал, что Чжан Цзиань вытащит ту самую фотографию. Е Цзычэ вынужден был признать: увидев снимок, он потерял контроль.

С того самого момента, как перед глазами возник образ брата, обрывки воспоминаний хлынули в сознание, заставляя сердце сжиматься от боли. Даже вернувшись в комнату, он не мог избавиться от этого маленького образа — напротив, чувство становилось лишь острее. Он прижал ладонь к груди: сердце под ребрами билось тяжело и размеренно, разнося по всему телу кровь вместе с невыносимой болью.

Он свернулся калачиком на кровати, испытывая странное, болезненное облегчение: за долгие годы он привык быть лишь инструментом и пешкой, считал себя достаточно очерствевшим, но не думал, что сердце всё еще способно так болеть.

Значит, он всё еще жив.

В голове стояли картины: окровавленные руки брата, его спина, рассеченный лоб. Е Ичэнь, который дрожал от боли, но не смел громко плакать. Избитый, израненный мальчик и он сам, прячущийся в комнате и тайком наблюдающий за ним. Сердцебиение, казалось, участилось, а острая, пульсирующая боль стала настолько невыносимой, что даже дышать стало трудно.

Это была душевная боль — без ран и без лекарств.

Это было сопереживание, ставшее частью его самого.

Где-то в Сюньцзине юноше, чьё лицо было до боли похоже на лицо его брата по ту сторону океана, снились тревожные сны. В кошмаре высокий мужчина снова замахнулся бутылкой.

Юноша резко проснулся, жадно хватая ртом воздух. Каждый удар сердца отдавался глухой болью в груди, но он, словно привыкнув, молча свернулся в клубок и закутался в одеяло.

Лондон. На следующее утро Чжан Цзиань неохотно поднялся с постели под звон будильника. Цзян Июань, видимо, ночевал не дома и еще не вернулся.

Одна мысль о том, что предстоит сделать сегодня, вызывала головную боль. Он потер виски.

После вчерашнего разговора с Е Цзычэ ситуация, и без того туманная, стала еще более запутанной. Чжан Ханьчжу был мастером загадок, а теперь к нему добавился Е Цзычэ — актер не меньшего калибра. У Луи и так были проблемы с китайским, а тут еще пришлось изматывать себя в противостоянии с двумя лисами.

Но, по крайней мере, удалось выудить кое-какую полезную информацию. Чжан Цзиань налил себе кофе, сделал глоток и начал записывать в блокнот:

1. Лин Юэ, похоже, проявляет к старшему брату особое расположение: с самого детства отправил его в Англию, оставив Е Ичэня одного на родине, да еще и применял к нему домашнее насилие.
2. Лин Юэ жив, поэтому с усыновлением Е Цзычэ явно что-то нечисто. Чжан Цзиань никак не мог взять это в толк, но раз Чжан Ханьчжу об этом не упоминал, значит, пока в это дело лучше не лезть.
3. Классного руководителя Е Ичэня зовут Цинь Жоян, и онлайн-репетитора, которого Чжан Ханьчжу нашел для Чжан Цзианя, тоже зовут Цинь Жоян. Эту информацию дал Е Цзычэ, так что вероятность совпадения стремится к нулю. Это значит, что между ним и Е Ичэнем существует прямой двусторонний связной, или, если угодно, наблюдатель. И весьма вероятно, что этого человека приставил Чжан Ханьчжу.

А вот откуда об этом узнал Е Цзычэ и какую роль во всем этом играет Чжан Ханьчжу — над этими вопросами Чжан Цзиань решил пока голову не ломать.

Раз уж его втянули в эту игру, придется двигаться по течению.

С этими мыслями он открыл чат с Цинь Жояном. Тот как раз закончил последний урок, отпустил ораву детей на ужин и получил сообщение от Луи:

— Учитель, когда у вас будет время? У меня есть пара вопросов.

— Спрашивай.

Луи задал несколько случайных вопросов, а затем плавно перевел тему:

— Учитель Цинь, а преподавание — ваша основная работа?

Цинь Жоян дернул уголком рта и ответил:

— Да, я учитель физики в старшей школе.

Наконец-то этот щенок спросил. Цинь Жояну не терпелось выложить всё как на духу, но под давлением босса он был вынужден продолжать разыгрывать спектакль перед юным господином и до того, как его спросят прямо, не имел права ничего говорить.

Чжан Цзиань на другом конце провода столкнулся с той же дилеммой. Он не знал, насколько Цинь Жоян посвящен в детали и какова его позиция, поэтому мог лишь осторожно прощупывать почву.

Обе стороны вели свою игру, и после нескольких обменов репликами им наконец удалось «естественным образом» перейти к разговору о Е Ичэне.

<http://bllate.org/book/19186/1884016>